

новке Боспор не мог верить оборону государства наемным или союзным контингентам¹.

Весьма не определена оценка автором исторических событий на Боспоре в период I—IV вв. н. э. В. Д. Блаватский неоднократно упоминает о «неспокойной истории», «неспокойной эпохе» (стр. 138 сл.), «частых нападениях» и пр. Однако применительно к III—IV векам следует определенно уже говорить как о великом переселении народов, так и о тех социальных потрясениях, которые испытывали в III в. многие античные центры. В самом боспорском государстве, например, в это время, повидимому, имели место какие-то социальные движения, в результате которых, как свидетельствуют источники (Zosim., I, 31, 1—2), власть на Боспоре перешла к «негодным и неблагополучным людям». Этот факт в истории Боспора получил известное отражение в работах В. Н. Дьякова, А. Н. Зографа, В. Ф. Гайдукевича².

Термин «готы», который автор использует в этой главе при описании войн III века, точно отражает племенной состав нападавших в этот период на Рим варварских коалиций. Наконец, при чтении этой заключительной главы читатель вправе спросить — какова же была историческая судьба государств Северного Причерноморья в позднеантичную эпоху? Автор, однако, не дает на это четкого ответа.

Указанные в рецензии недостатки ни в коей степени не умаляют того большого значения, которое имеет монография В. Д. Блаватского: давая впервые широкую картину развития военного дела в причерноморских государствах античной эпохи, она восполняет в этом отношении существенный пробел в советской историографии.

В процессе развития военного искусства Северного Причерноморья автор сумел проследить конкретное взаимодействие разнообразных элементов. Он не только систематизировал имевшиеся уже положения о военном искусстве античных государств Северного Понта, но внес много нового в решение важных вопросов военного дела Боспора, Херсонеса и Ольвии (организация, тактика, эволюция вооружения). Основной вывод автора о творческом сочетании военного искусства греческих государств Северного Понта с достижениями и военными приемами местного населения Северного Причерноморья (стр. 159) логически вытекает из всего исследования. Работа написана на основе тщательного анализа широкого круга дошедших до нас источников, как литературных, так и эпиграфических. Автор широко привлекает также малоизвестные археологические материалы. Монография богато иллюстрирована репродукциями с археологических памятников, схемами и планами укреплений, к ней приложено несколько карт. Ее с интересом прочтет также всякий, интересующийся историей военного искусства.

А. М. Ременников

В. ЯРХО, Аристофан, М., ГИХЛ, 1954, 134 стр., тираж 20000 экз., цена 2 р. 70 к.

Историки и филологи, занимающиеся изучением древнего мира, в долгу перед советским читателем: у нас почти нет ни монографических исследований, ни научно-популярных очерков о крупнейших деятелях античной культуры. В этом отношении интересно появление работы В. Н. Ярхо, посвященной творчеству Аристофана, 2400-летний юбилей со дня рождения которого отметило недавно все прогрессивное человечество.

В сравнительно небольшом научно-популярном очерке автор рассматривает творчество Аристофана в связи с социально-политической жизнью Атики последней четверти V — начала IV в. до н. э. Очерк состоит из краткого введения и шести глав. Во введении автор останавливается на значении творчества Аристофана, поэта-гражда-

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 386 сл.

² См., напр., В. Н. Дьяков, Таврика в эпоху римской оккупации, УЗ МГПИ им. Ленина, т. XXVIII, вып. 1, стр. 22; А. Н. Зограф, Античные монеты, М.—Л., 1951, стр. 209; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 452 сл.

пина и патриота, мастера злободневной политической сатиры. Первая глава посвящена социально-историческому обзору древней Атики, а также характеристике истоков драмы и ее развития на протяжении V века до н. э. Во второй главе рассматриваются комедии «Ахарнианс», «Мир», «Всадники», «Осы». В третьей главе анализируются «Птицы» и «Лисистрата». В четвертой главе идет речь о пьесах «Облака», «Фесмофоризаусы», «Лягушки». Пятая глава освещает поздние произведения поэта — «Экклезиазусы» и «Плутос». Небольшая заключительная глава излагает отношение к Аристофану крупнейших деятелей культуры Запада и России от эпохи Возрождения до наших дней. В. Н. Ярхо широко привлекает высказывания русских революционеров-демократов о древней комедии. Анализ комедий Аристофана автор производит по идейно-тематическому признаку, что дает большую возможность правильного осмысления идейной направленности театра Аристофана в его развитии. В книге четко изложены экономические условия, в которых складывался и развивался афинский полис. Впервые переведенный на русский язык 63-й фрагмент Гермиппа иллюстрирует мысль автора об Афинах как о центре архэ, торговом городе мирового значения.

Характеризуя Аристофана как идеолога трудового аттического крестьянства, В. Н. Ярхо не упрощает мировоззрения поэта. Сложность настроений сельского населения полиса состояла в том, что, будучи рабовладельцем, аттический крестьянин защищал его, как «естественно возникшую форму ассоциации»¹, защищал свои права на долю государственных доходов, получаемых от эксплуатации рабов и союзников. Вместе с тем, будучи одновременно и тружеником, он не мог мириться с паразитизмом и эгоистическими устремлениями тех слоев, которые были связаны с торговлей, ростовщичеством и, противопоставляя свои интересы интересам полисного единства, являлись сторонниками экспансии Афин. В. Н. Ярхо отмечает неоднородность демоса и противоречивость афинской демократии, особенно наглядно проявившиеся в связи с событиями Пелопоннесской войны.

На протяжении всей книги автор обращает внимание на типичность (выраженную в своеобразной форме древней комедии) изображаемых Аристофаном явлений, его народность и оптимизм, беспощадное разоблачение хищничества, паразитизма, демагогии врагов мира. В. Н. Ярхо подчеркивает, что великий художник близок нам сознательным стремлением при помощи искусства защитить интересы народа, его права на мирную жизнь.

Вместе с тем В. Н. Ярхо следовало подчеркнуть, что мысль поэта о том, что народам следует решать свои судьбы самостоятельно, была в то время столь же нереальна, сколь утопичны были его надежды на возвращение времен марафономаров.

Переходя к анализу комедий Аристофана, посвященных вопросам гражданской этики и литературной критики, В. Н. Ярхо останавливается на воззрениях софистов, подрывавших своими взглядами устой полиса, чем объясняется враждебность всех древних комедиографов к учителям мудрости, к Сократу, в котором они видели проповедника гибкой морали, и к Еврипиду.

Поздним комедиям Аристофана В. Н. Ярхо уделяет сравнительно мало места (стр. 114—126). Он говорит, что кризис афинского полиса после распада архэ привел к окончательному разорению массы крестьян и городских низов. В среде деклассированных люмпен-пролетариев получили хождение проекты паразитической потребительской уравнительности. Этим стремлениям, резко их обличая, Аристофан в «Экклезиазусах» и «Плутосе» противопоставил идеал мелкого собственника, мечтающего о независимости, чуждого паразитизму деклассированных элементов. В «Плутосе», оставаясь на позициях несуществимой веры в возможность возрождения аттического крестьянства, поэт попрежнему обличает паразитизм богачей. Подводя итоги анализу творений поэта, автор правильно отмечает, что и театр Аристофана, беря на себя пропаганду идеалов крестьянства, не мог вырваться из круга иллюзорных идеалов; однако, если до сицилийского краха эти идеалы еще имели под собой основания, то после 413 года они были совершенно беспочвенны.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12.

Достоинством книги В. Н. Ярхо является то, что идейный анализ наследия Аристофана он сочетает с художественным. Автор рассматривает эволюцию жанра древней комедии и показывает, как традиционная ее структура со временем претерпела серьезные изменения. В книге уделено много места приемам типизации образа, характеру фантастики. От этапа к этапу творческого пути поэта менялись приемы образного отражения действительности: «классическая» комедия с ее инвективами и сатирической заостренностью образа, с ее постоянными компонентами по мере усиления кризисных явлений в полсе обогащается новыми приемами показа человека и общественных явлений.

Книга написана просто и доступно и привлечет внимание студентов, преподавателей школы, массового читателя.

Работа В. Н. Ярхо не лишена отдельных недостатков. Не все дошедшие до нас комедии получили в книге достаточно четкое освещение. Если «Ахарняне», «Всадники», «Осы» и другие произведения рассмотрены сравнительно подробно и с идейной и с художественной стороны, то комедии «Мир» и «Фесмофориазусы» проанализированы бегло, вскользь.

Анализу «Мира» уделено в книге полторы страницы (стр. 41—42). Между тем это произведение, поставленное на афинской сцене в канун заключения Никсиа мира, интересно своими панэллинскими настроениями, что придавало ему особое политическое значение. Впервые у Аристофана в этой комедии прозвучал призыв ко всем грекам, а не к одним лишь афинянам, объединиться против сил войны (стихи 302, 551). Комедия вместе с тем в значительно меньшей степени, чем «Всадники» и «Осы», направлена против определенных политических деятелей; она указывает на появление в творчестве поэта новых тенденций: он все больше и больше отходит от персональных инвектив, затрагивая общие широкие вопросы современной жизни. В этом смысле «Мир» является для эволюции творчества Аристофана этапным произведением.

Мало говорит автор также о таком значительном произведении, как «Фесмофориазусы» (стр. 103, 109—110), из анализа которого видно, что во время правления «олигархии 400» Аристофан не прекратил сатирической деятельности политического поэта. В комедии, хотя и лишенной многочисленных политических выпадов, не угасла критическая мысль (стихи 327, 329, 341 сл.; 540, 809). «Фесмофориазусы» важны не только для понимания эстетических воззрений Аристофана (литературная полемика с Еврипидом, нашедшая продолжение в «Лягушках»); в них показан упадок патриархальной семьи, женской нравственности, в чем, с точки зрения поэта, также повинны софисты и Еврипид. Как и «Лягушки», эта комедия свидетельствует о том, что принципы софистов, против которых столь настойчиво выступал Аристофан, оказали известное воздействие на творчество поэта. Религиозное вольнодумство, отношение к традиционной религии у Аристофана и у софистов имеет бесспорные точки соприкосновения. Достаточно вспомнить, как Аристофан изображает олимпийцев в комедиях «Мир» (стихи 193 сл.), «Птицы» (стихи 551—569; 1565—1693), «Плутос» (стихи 122 сл.), «Экклесиазусы» (стихи 779—784), чтобы убедиться в этом. Так, Гермес изображается взяточником, Гелиос назван мошенником (*καυοβροχς*) («Мир», стих 406). В «Птицах» весь Олимп показан в пародийном плане: птицы более священные, чем боги, — они ближе к людям. Небожители спускаются на землю лишь для любовных утех. Хремия в комедии «Плутос» заявляет, что владычеству Зевса и всем его молниям — грош цена. Таким образом, от паивной веры в богов поэт решительно отказывается.

Правда, В. Н. Ярхо отмечает мифологическую пародийность в «Птицах», говорит о влиянии еврипидовского психологизма на Аристофана, на его манеру характеристики образа (стр. 111), но этого недостаточно. Сводить влияние рационализма только к приемам мастерства, как это делает автор книги, неправомерно. Поэт глубоко переживал «кризис» общественного сознания, он уповал на перемены к лучшему, но сам подвергся некоторому влиянию просветительства. Не случайно Кратия выразился о нем, что он «аристофанствует по-еврипидовски»¹.

¹ Atticorum comicorum fragmenta, т. I, стр. 59.

Рассчитывая на массового читателя, автор старается объяснить терминологию, доступную лишь специалисту, но не всегда этот принцип выдерживается; остались нераскрытыми такие понятия, как дем (стр. 30), старшие и младшие софисты (стр. 99, 102). Несколько односторонне утверждение, что общественное значение афинского театра возросло в годы Пелопоннесской войны (стр. 21). Драма, как известно, играла большую роль в идейной жизни полиса на всем протяжении V века до н. э., и вряд ли «Персы» или «Орестей» Эсхила в свое время имели меньший резонанс в Афинах, чем комедии Аристофана в период Пелопоннесской войны. Правильнее, нам думается, было бы сказать о возрастании значения комедийного театра, а не афинского театра в целом.

Приходится сожалеть, что автор, видимо из-за недостатка места, совсем не коснулся, хотя бы в общих чертах, насколько это уместно в научно-популярном очерке, критики буржуазного аристофановедения, грубо извращающего идейный смысл наследия комедиографа. Другие работы В. Н. Ярхо показывают, насколько актуальна такая критика в наше время¹.

Говоря о мировом значении Аристофана, следовало сказать о нем, как о блестящем мастере слова. Этот вопрос, — правда, весьма сложный для освещения в небольшой монографии, — совершенно выпал из поля зрения автора. В. Н. Ярхо ограничился несколькими общими эпитетами, которые не могут дать читателю даже приблизительного представления о народности и богатстве языка одного из самых блестящих мастеров слова в мировой поэзии.

Отмеченные недостатки и упущения не умаляют интереса книги В. Н. Ярхо. Хочется пожелать, чтобы вслед за ней появились работы о других выдающихся деятелях античной культуры.

И. Духин

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ВОРОНКОВИДНЫХ СОСУДОВ В ПОЛЬШЕ

Z. PODKOWIŃSKA, *Osada neolityczna na górze Gawroniec w Ćmielowie, pow. Opatów*, «Wiadomości archeologiczne», XVII (1950—1951), Warszawa, г. 2—3, стр. 95—147.

Z. PODKOWIŃSKA, *Prace wykopaliskowe na stanowisku «Gawroniec — Pałyga» w Ćmielowie w pow. Opatowskim, 1950*, «Wiadomości archeologiczne», XVIII (1951—1952), Warszawa, г. 3—4, стр. 201—242.

L. GAJEWSKI, *Kultura czas lejarowatych między Wisłą a Bugiem*, «Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska», Sectio F., Nauki filozoficzne i humanistyczne, IV (1952—53), Lublin, стр. 1—194.

К числу немногих культур неолитического времени, памятники которых распространены как на территории нашей родины, так и на территории соседних стран Запада, относится большая группа памятников, которым посвящены рецензируемые работы польских археологов.

Эти памятники известны в зарубежной археологической литературе под разными наименованиями. В польской довоенной археологической литературе они были известны под наименованием «нордической», «мегалитической», «великопольской», «малопольской» культур, а также культуры «воронковидных бокалов», «воронковидных кубков» или «воронковидных чаш». Не останавливаясь на том, какое из указанных наименований наиболее правильное, впредь будем именовать их памятниками культуры воронковидных сосудов.

¹ В. Ярхо, Социальная утопия в комедиях Аристофана, МГУ, 1947; о н же, О характере древнеаттической комедии, МГУ, 1948.